

В.Н. Земцов
V.N. Zemtsov

**ФРАНЦУЗЫ НА БОРОДИНСКОМ ПОЛЕ В 1912 ГОДУ:
ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА
«ПАВШИМ ВЕЛИКОЙ АРМИИ»¹**

**THE FRENCH ON THE BORODINO FIELD:
THE OPENING OF THE MONUMENT
«TO FALLEN OF THE GREAT ARMY»**

Статья посвящена истории сооружения и открытия в 1912–1913 гг. памятника солдатам Наполеона, павшим на Бородинском поле. На основе французских архивных документов, впервые вводимых в научный оборот, автор выявляет действия правительств и общественных структур Франции и России, направленные на использование празднования юбилея войны для укрепления союзнических отношений двух стран. Документы свидетельствуют: инициатива реализации такого проекта исходила от российской стороны в связи с тем, что для русских события 1812 года вписывались в «память-победу», тогда как для французов это была «память-травма». Наконец, вследствие разницы в формах правления и политических режимов, а также разных моделей взаимодействия между государственными и общественными структурами, стороны проявили неодинаковую степень готовности к «мемориальному переформатированию». Впрочем, определенный исторический реванш за поражения в 1812–1814 гг. Франция уже взяла в ходе Крымской войны 1853–1856 гг., и на рубеже XX–XXI вв. ее волновала травма более свежая, а именно травма франко-прусской войны. Французы уже давно отнеслись к поражению Великой армии в России как к героической трагедии, которая делает большую честь даже не тому, кто выиграл, но тому, кто проиграл, тем более, что битва при Москве-реке всегда расценивалась французами как фактически безусловная победа.

The article is devoted to the history of the construction and opening in 1912–1913 monument to Napoleon’s soldiers who fell on the Borodino field. On the

basis of French archival documents, first introduced into scientific circulation, the author identifies the actions of governments and public structures of France and Russia, aimed at using the celebration of the anniversary of the war to strengthen the allied relations of the two countries. The documents show: the initiative to implement such a project came from the Russian side due to the fact that for the Russians the events of 1812 fit into the “memory-victory”, whereas for the French it was “memory-injury”. Finally, due to the difference in the forms of government and political regimes, as well as different models of interaction between state and public structures, the parties showed unequal readiness for “memorial reformatting”. However, a certain historical revenge for the defeat in the years 1812–1814 France has already taken in the course of the Crimean War of 1853–1856, and at the turn of the XX–XXI centuries it was worried about the more recent injury, namely the injury of the Franco-Prussian war. The French have long regarded the defeat of the Great Army in Russia as a heroic tragedy, which makes it a great honor not even to the one who won, but to the one who lost, especially since the battle of the Moscow River was always regarded by the French as a de facto absolute victory.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года, юбилей, Франция, Россия, национальная память, реформатирование памяти

Keywords: Patriotic War of 1812, anniversary, France, Russia, national memory, reformatting of memory.

8 сентября² 1912 г. на Бородинском поле недалеко от Шевардинского редута, состоялась церемония открытия временного монумента «Павшим Великой армии». Сюда к началу торжества прибыла французская военная миссия во главе с генералом де Ланглом де Кари, объединенная делегация двух французских военно-исторических обществ «Французская память» и «Сабреташ», множество русских офицеров, более 200 членов французской колонии в Москве. Развевались российские и французские трехцветные знамена, венки устлали подножие монумента...

Рубеж XIX–XX вв. ознаменовался серьезными переменами в восприятии и освещении как русскими, так и французами, событий войны 1812 года. В обеих странах (особенно во Франции) вышло множество воспоминаний не только ключевых, но и рядовых участников этой войны, что придало образу далекой эпохи более живой,

согретый теплом человеческих переживаний, характер. Этому способствовал и ввод в научный оборот больших комплексов документальных материалов. Работа подобного рода, осуществленная историками, издателями и общественными деятелями, способствовала важным геополитическим переменам (впрочем, еще более очевиден был и обратный процесс, когда внешнеполитические обстоятельства стимулировали исследования и публикации того или иного рода), когда Россия и Франция начали стратегическое сближение, оформившееся в 1891–1893 гг. в русско-французский союз.

Заметным этапом, связанным с попытками историко-идеологического и национально-психологического подкрепления этого союза, стала 100-летняя годовщина Отечественной войны 1812 года (Русского похода Наполеона, как предпочитали говорить французы). Обстоятельства празднования этой годовщины чрезвычайно интересны тем, что позволяют увидеть, как именно осуществлялись шаги с целью переформатирования национальной исторической памяти в интересах текущей внешнеполитической целесообразности; они дают возможность представить, сколь успешными или неуспешными оказались эти попытки и как вели себя в этой ситуации «переформатирования» сегменты обществ(а) и государств(а), оказавшиеся задействованными в этом процессе.

Обстоятельствам подготовки и участию французской стороны в торжествах 1912 г. посвятила в 2003 г. статью, основанную на документах Архива внешней политики Российской империи, Е.А. Назарян³. Перевел фрагмент воспоминаний одного из участников французской миссии полковника В.А. Флэри и дал обзор публикаций газеты «Тан», посвященных открытию на Бородинском поле памятника павшим в 1812 г. солдатам Великой армии, С.Н. Хомченко⁴. Остановилась на роли барона А.О.Л.Ж. Бертелло де Бая в подготовке и участии в мероприятиях на Бородинском поле Е.М. Букреева⁵. Наконец, в 2017 г. описал, используя документы Российского государственного исторического архива, участие французских делегаций в бородинских торжествах Е.А. Бочков⁶. Между тем, главный комплекс документов, раскрывающий внутреннюю механику подготовки Парижа к юбилей-

ным событиям в России и специфику восприятия французской стороной того, что происходило в ходе торжеств, до сих пор не введен в научный оборот⁷. Это обширное дело, состоящее из почти тысячи документов, посвященных всем аспектам деятельности французских структур, официальных и общественных, в связи с юбилейными событиями 1912–1913 гг., хранится в фондах архива Исторической службы Министерства обороны Франции⁸. Наряду с обширной делопроизводительной документацией, оно содержит ряд важных отчетов – консула Франции в Москве Ш.М.С. де Валикура⁹, главы французской военной миссии дивизионного генерала Ф.Л.А.М. де Лангля де Кари¹⁰ об участии в российских торжествах 1912 г., отчеты военного атташе Франции в Санкт-Петербурге полковника Маттона о визитах на Бородино и др.¹¹ Наряду с этими документами архива Исторической службы Министерства обороны Франции, автор обратился и к ряду других материалов, раскрывающих данную тему¹².

Документы архива Исторической службы Министерства обороны Франции определенно свидетельствуют, что начальный импульс, который предопределил участие французских делегаций в юбилейных торжествах в России в 1912 г., исходил от российской стороны, а именно, от генерал-майора Н.Н. Бернацкого¹³, возглавлявшего Виленский кружок ревнителей памяти истории 1812 года. По-видимому, в середине августа¹⁴ 1911 г. Бернацкий по своей инициативе посетил французское посольство в Санкт-Петербурге и имел беседу с военным атташе (военным агентом) Франции полковником Маттоном. Результатом этого стал рапорт Маттона в Военное министерство от 5 (18) августа 1911 г. Маттон сообщил, что, по словам Бернацкого, по всему пространству от Немана до Москвы находятся останки солдат армии Наполеона, но места их упокоения никак не обозначены, а несколько еще оставшихся могли, как в Вильно, так и в местах переправы через р. Березину, в скором времени совсем исчезнут. Бернацкий сообщил также, что Россия готовится с необычайным размахом отпраздновать, как писал Маттон, «то, что она [Россия] называет “Отечественной войной (la Guerre de la defense national)”». Во всех имеющих отношение к этой войне городах созданы коми-

теты по подготовке торжеств, собираются воспоминания, создаются музеи, подновляются уже существующие памятники, наиболее значительный из которых находится на Бородино. Здесь каждый полк, который принимал участие в сражении, желает воздвигнуть свой собственный памятник. Ожидается, докладывал Маттон, что в связи с этим юбилеем произойдет настоящий взрыв («explosion») русского патриотизма, и этот взрыв русское правительство постарается сделать максимально грандиозным.

Маттон считал, что французскому руководству следует уже сейчас побеспокоиться о тех мерах, которые оно в состоянии предпринять, дабы участвовать в этих празднествах. Празднование, по мнению полковника, не будет нести в себе какого-либо «злобного» заряда («aucun caractère d'animosité») в отношении французов. «Мы можем, – писал он далее, – даже предвидеть, что одним из аспектов станет прославление Наполеона, судя по тому, что у русских царит подлинный его культ; будет также иметь место экзальтация военной доблести наших предков». Участие французской стороны в празднествах, считал Маттон, «может быть удачно обращено в нашу пользу и послужить укреплению тех связей, которые нас объединяют с русским народом и русской армией».

Полковник выразил уверенность, что активность со стороны Франции будет поддержана русским Комитетом и обществами памяти («societes du souvenir») в ее стремлении продемонстрировать заботу о памяти павших в 1812 г. Необходимость подобной демонстрации, в особенности на фоне того, что французы, как писал Маттон, «до сего дня» не проявляли какого-либо интереса к памяти своих погибших в 1812 г. соотечественников, стала очевидна для полковника после слов Бернацкого о том, что «столь богатая нация как французы..., тем более беспокоящаяся о своей военной славе, может бросить останки погибших в 1812 г. солдат».

«Я мог только ответить, – писал Маттон, – что Наполеон, пройдя с французскими войсками в прямом смысле по всей Европе, сделал задачу почитания памяти наших павших солдат особенно сложной»¹⁵.

В том же августе месяце 1911 г. в Военное министерство Франции поступил рапорт капитана Генерального штаба де Ренти (Renty), проходившего в 1910 г. стажировку в пехотных частях русской императорской армии. В приложении к рапорту Ренти сообщал, что начиная с октября 1910 г. в России идет на самом высоком уровне подготовка к 100-летию событий 1812 года, в ходе которой планируется сооружение монументов и «в память Великой армии»¹⁶.

2 октября 1911 г. Военное министерство (а именно 7-е управление 2-го бюро Генерального штаба) запросило военно-историческое общество «Французская память» («Souvenir Français») на предмет возможности сооружения в России ряда памятников павшим в 1812 г. чинам Великой армии¹⁷. Этот запрос активизировал деятельность «Французской памяти», и 2 ноября 1911 г. генеральный секретарь и основатель общества профессор Ф.К. Ниссен (F.X. Niessen) отправил в Военное министерство письмо. Ниссен сообщил, что общество связалось с г-ном П. Жиро, руководителем московского отделения «Французской памяти», и включилось вместе с теми французами, которые проживают в России, в обсуждение возможности сооружения памятников от Вильно до Бородино¹⁸.

25 ноября Ниссен информировал о визите в общество «Французская память» по поручению Военного министерства капитана Верлена (Wehrlin) и о создании комитета по проектированию памятников в России. В этот комитет вошли генерал Пуле (Poulléau), г-н Реверсо (Reverseaux), бывший посол, г-н Бёсвилльвальд (Boeswilwald), инспектор исторических памятников во Франции, полковник виконт Флёрри (Fleury) и сам Ниссен, генеральный секретарь «Французской памяти». Сообщалось также, что на обращение «Французской памяти» откликнулось и другое военно-историческое общество «Сабреташ» («Sabretache») в лице Эдуарда Детайля²⁰. Ниссен выражал надежду, что вопрос о возведении памятника на Бородинском поле будет принципиально решен к маю или июню 1912 г.²¹

В декабре 1911 г. русская секция 2-го бюро Генерального штаба французской армии проанализировала материал, который поступил на предмет празднования столетия 1812 года в России. В двух специ-

альных аналитических записках сообщалось, что «объединенная дирекция» по подготовке к празднованию 100-летия 1812 года была создана указом императора как межведомственная комиссия. Помимо нее имеется еще ряд комиссий, а также специальная комиссия по созданию музея. На само празднование ассигнована значительная сумма в 500 тыс. рублей. Межведомственная комиссия разработала детальную программу празднования, которая прошла одобрение императором. Наиболее значительные торжества решено проводить на поле битвы при Москве-реке (Бородино). Само же поле приводится в надлежащий порядок, прокладываются дороги к многочисленным памятникам, два из которых, в частности, будут расположены «на Шевардинском редуте, и которые будут идентичны: слева – русским, с надписью по-русски, справа – французам, с надписью по-французски; этот редут был сооружен 5 августа (так в тексте. – *Прим. автора*) на главной позиции русских, а затем стал главной французской позицией, и где в конечном итоге встала Главная квартира Наполеона. Два сходных между собою монумента будут равным образом размещены на месте батареи французского генерала Сорбье». Указывалось, что среди прочих мероприятий межведомственный комитет запланировал отметить места сражений при Малоярославце, Красном, Смоленске и Тарутино, открыть в Москве панораму битвы при Москве-реке (Бородино), выпустить памятные медали²².

Вторая аналитическая записка касалась создания музея 1812 года в Москве. В ней сообщалось, что по императорскому указу от 26 января 1908 г. был создан «Комитет Музея 1812 года в Москве». Председателем комитета стал генерал В.Г. Глазов, а секретарем – А.В. Афанасьев, местом пребывания комитета является Потешный дворец в московском Кремле. При этом комитете, который состоит исключительно из высоких русских персон, корреспондентом является француз г-н де Бай. Под Музей отведен Московский арсенал в Кремле. Музей будет включать как русские, так и французские залы. Бенефициариями Музея являются очень значительные государственные русские особы. Открытие Музея будет связано с празднованием 100-летия 1812 года и сражения при Москве-реке

(7 сентября). Аналитическая записка заканчивалась цитированием слов, сказанных барону де Баю императором Николаем II в августе 1910 г.: «Я решил, что в этом музее будет представлена большая часть того, что памятно для французов, в соединении с тем, что памятно для русских, и это, соединенное в едином замысле, воздаст честь героям обеих армий»²³.

К январю 1912 г. политическое и военное руководство Франции окончательно принимают решение участвовать в тех мероприятиях, которые готовятся в России по случаю 100-летия войны 1812 года. Очевидно, что на это решение повлиял ряд факторов, главным из которых был фактор военно-политический. Союз с Россией рассматривался Парижем как важнейший элемент внешнеполитической стратегии перед лицом роста, прежде всего, но не только, германской угрозы. Совсем недавно, а именно в 1911 г., разразился Агадирский, или Второй марокканский кризис, серьезно обостривший международную ситуацию в Европе и за ее пределами. На волне шовинизма во Франции в начале 1912 г. премьер-министром, а в 1913 г. и президентом республики становится Р. Пуанкаре, главной задачей которого была подготовка войны против Германии ради возвращения Эльзаса и Лотарингии. Определенную роль в решении отметить 100-летнюю годовщину Русского похода установлением памятников павшим сыграло то, что уже в те годы в странах Европы было принято называть общественным мнением. Правительство и отдельные министерства вынуждены были прислушиваться к голосу таких влиятельных неправительственных организаций, связанных с военной историей, как «Французская память» и «Сабреташ».

Вместе с тем, в Париже хорошо осознавали всю деликатность ситуации. Прежде всего, Франция и Россия имели не только разную форму правления (Третья республика во Франции и полуабсолютистская монархия в России), но и разные политические режимы. Как следствие, между Парижем и Санкт-Петербургом не могли не возникать трения в связи с весьма неодинаковыми моделями взаимодействия власти и общества. Впрочем, в этом плане было и нечто общее, а именно, политическая и общественная нестабильность

(многочисленные кризисы и скандалы во Франции, самыми громкими из которых было дело Дрейфуса и «Панамы», и Первая русская революция 1905–1907 в России), заставлявшие политические элиты обеих стран систематически прибегать к кампаниям, имевшим целью нагнетание военной экзальтации среди широких масс населения. Заметную роль в этом играли целенаправленные экскурсии государственных, а нередко и общественных структур в национальное военное прошлое.

И все же главный момент деликатного свойства заключался в том, что Париж должен был участвовать в торжественных мероприятиях, прославлявших силу русского оружия и народный подъем против общеевропейской армии французского императора, потерпевшего в 1812 г. сокрушительное поражение. Парадоксальность ситуации усиливалась еще и тем, что во Франции времен Третьей республики, возникшей на руинах Второй империи, не было принято восхвалять Наполеона (ни Первого, ни Третьего), тогда как в России этот исторический персонаж пользовался не только почетом, но и подлинной народной любовью.

Все эти обстоятельства и предопределили специфику подготовки и участия Парижа в юбилейных торжествах в России. Во второй половине декабря 1911 г. Военное министерство Франции начало по этому поводу переписку с Министерством иностранных дел. В двух письмах от 19 и 31 декабря (предположительно, эти письма были составлены не без участия объединенного комитета «Французской памяти» и «Сабреташ») Военное министерство, которое возглавлял А. Мильеран, предложило совместно просить правительство Республики взять проект сооружения памятников погибшим в России солдатам армии Наполеона под официальный государственный патронаж. Кроме того, было предложено принять активное участие в создании в Москве «Музея 1812 года», что, по словам авторов письма, «способствовало бы набору в армию». Однако МИД Франции в письме от 12 января 1912 г. заявил о нецелесообразности для французского правительства брать под официальную опеку этот проект. Руководители МИД посчитали, что было бы вполне достаточно, что-

бы французский военный атташе исполнял функции «генерального представителя» Комитета по сооружению памятников в России, а генеральный консул в Москве стал бы почетным членом этого Комитета. Что же до открытия «Музея 1812 года», то МИД счел желательным уступить эту работу русскому комитету, хотя и при участии общества «Сабреташ». В письме было предложено, чтобы полковник Маттон, исполнявший функции «генерального представителя», посетил Бородино, Смоленск и Вильно для ознакомления с ситуацией на месте, проявив тем самым заинтересованность Парижа в сохранении мемориальных объектов. Наконец, со ссылкой на посла Франции в России Ж. Луи, МИД счел полезным, чтобы три французских офицера, проходящие стажировку в русской армии, были с этой же целью до конца марта отправлены в Москву, Вильно и Смоленск. В письме содержалась приписка о том, что 24 января 1912 г. Кабинет Министерства иностранных дел подтвердил мнение, выраженное в этом письме²⁴.

Ответ, полученный из МИД, заставил Мильерана уже на следующий день, 25 января 1912 г., отправить на имя Ниссена послание, в котором поблагодарил Комитет за действия по открытию памятников погибшим в России в 1812 г., предложил адресоваться к полковнику Маттону²⁵, координировать (не совсем понятно, каким образом) действия с МИД Франции, заявив в конечном итоге, что нынешний состав Комитета вполне обеспечит эффективность его действий²⁶. Обескураженный и расстроенный Ниссен в тот же день обратился к капитану Верлену, который от имени Военного министерства курировал деятельность объединенного Комитета «Французской памяти» и «Сабреташ», и сообщил ему о получении письма от военного министра, в котором ничего не сказано о почетном членстве в Комитете влиятельных персон, в том числе посла Франции в России и генерального консула в Москве²⁷.

Между тем, с января 1912 г. русская сторона на официальном уровне стала проявлять заинтересованность в участии французской стороны в приближающихся торжествах по случаю 100-летия Отечественной войны 1812 года. Этот сюжет достаточно разрабо-

тан Е.А. Назарян на основе документов Архива внешней политики Российской империи²⁸. Однако помимо канала российского МИД, тогда же, в январе 1912 г., с подобными и даже более далеко идущими предложениями к французской стороне обратилось и Военное министерство.

19 января 1912 г. французский военный атташе Маттон, наряду с общей информацией о подготовке в России к юбилейным празднествам (полковник, сообщая, помимо прочего, о предстоящем открытии панорамы «Бородино», отметил, что она написана «французским художником Рубо (l'artiste français Roubaud²⁹)»), отправил в Военное министерство и информацию секретного характера. В беседе с военным министром В.А. Сухомлиновым последний заявил о готовности русской стороны обсудить возможность обмена по случаю юбилея 1812 года французских и русских знамен, которые были захвачены обеими армиями во время этой кампании. «Многие представители наших двух стран, – сказал Сухомлинов, – друзья, и для наших граждан необъяснимо («extraordinaire»), почему мы держим у себя ваши знамена, а вы – наши. Мы можем осуществить обмен. Каждая страна останется обладателем своей собственной славы... и только Германия не будет этому радоваться!»

Маттон в ответ сказал, что он «очень тронут этим предложением, которое является одним из проявлений тех чувств, которые глубоко ценят во Франции, но реализация этого [предложения] кажется несколько затруднительной, ибо число знамен, которые мы можем возвратить, – заявил он, – вряд ли сравнимо с тем количеством, которое мы можем получить...» У Маттона даже возникла мысль, не касается ли предложение Сухомлинова знамен, утерянных сторонами и в других кампаниях. Рапорт французского полковника заканчивался констатацией того, что предложение русской стороны об обмене знамен – жест чрезвычайно решительный и является проявлением чрезвычайно высокой степени демонстрации дружественного отношения. Маттон ожидал инструкций из Парижа³⁰.

Военный министр Франции А. Мильеран, узнав о предложении русской стороны по поводу обмена знамен, выдержал некоторую па-

узу, после чего информировал об этом МИД и премьер-министра. Свою позицию он обозначил так: «Подобный вопрос имеет высокое международное значение и включает в себя определенный национальный аспект, и в связи с этим не может быть решен до того, как русское правительство не сделает официального предложения на этот счет»³¹. Премьер-министр и Министерство иностранных дел (напомню, что премьер-министр Пуанкаре одновременно возглавлял и МИД) высказались примерно в том же духе, отметив, что «обмен знамен превышает ту сферу, на которую мы готовы подняться, принимая участие в предстоящих мероприятиях»³². Французское руководство теперь решило окончательно определить тот уровень, на который оно было готово пойти в своем участии в торжествах в России, связанных со 100-летним юбилеем.

В аналитической записке, подготовленной в недрах Военного министерства, констатировалось, что очевидны «трудности, которые уже существуют, и которые могут проявиться вновь в дальнейшем, а именно, связанные с национальными и политическими противоречиями (“les difficultés qui se sont déjà présentées et peuvent se renouveler en raison des conflits de races et de parties politiques”)). В этих условиях Военное министерство решило снизить уровень участия в деятельности Комитета по возведению памятников в России: вместо генерала Лагиша (Lagüiche), который незадолго до этого решения начал исполнять функции «генерального представителя» в Комитете, было решено эти функции оставить за военным атташе в России полковником Маттоном³³.

В отличие от французской стороны, российское руководство готово было пойти в демонстрации дружеских чувств по отношению к Франции значительно дальше. 4(17) февраля Маттон сообщал в Париж: военный министр Сухомлинов заверил его в беседе, что сделает все возможное для успешной реализации тех задач, которые стоят перед французским атташе в связи со 100-летием войны 1812 года. Сухомлинов информировал, что отдал распоряжение Генеральному штабу и всему высшему военному руководству оказывать Маттону всяческое содействие, и что российское правительство будет очень

радо видеть участие французской стороны в праздновании 100-летнего юбилея. Поле Бородинской битвы, как отметил Сухомлинов, «это та земля, на которой две страны могут и должны встретиться». «Имеются все возможности, – продолжал он далее, – чтобы праздники в честь 1812 года, организуемые для возбуждения патриотических чувств русского народа, не только не вылились в какую-либо демонстрацию враждебности между нами, но послужили сохранению дружественных связей, которые объединяют два народа. Русские не хранят злопамятства по отношению к французской нации из-за наполеоновского вторжения. Они хранят только глубокое уважение к характеру и храбрости французских солдат и испытывают безотчетное восхищение военным гением Наполеона. Оба народа одинаково доблестны на поле битвы, равным образом проникнуты чувством любви к родине, и не могут перед лицом грядущей общей опасности не воспринимать уроки истории вековой давности иначе, как вызывающие необходимость все более и более тесного единения»³⁴.

В марте 1912 г. Маттон приступил к изучению вопроса о том, где именно можно будет установить памятник павшим Великой армии на Бородинском поле. 16 марта он сообщил в Военное министерство, что, согласно ответам на запросы, которые он сделал, «наиболее благоприятным местом для установления нашего памятника является то место, где Наполеон находился во время сражения, перед Шевардинским редутом». Хотя, отметил он далее, это место «имеет свой недостаток», поскольку, как говорят, «в настоящее время оно заросло лесом, как и сам Шевардинский редут»³⁵. В начале апреля Маттон отправил инструкции капитану Марешалю (Marchal), проходившему стажировку в войсках московского гарнизона, для осмотра Бородинского поля. Однако «через два дня сам отправился в Москву». Капитан Марешаль представил его командующему Московским военным округом генералу от кавалерии П.А. Плеве, его начальнику штаба генерал-лейтенанту Н.И. Протопопову и московскому губернатору В.Ф. Джунковскому. В своем рапорте Маттон писал: Джунковский, «как высший по должности, решает все вопросы с землей и сооружением памятника, обещал мне сделать все, что в его силах, для об-

легчения нашей задачи». Джунковский организовал поездку французских офицеров на Бородино и в качестве сопровождающего дал своего адъютанта. «После осмотра местности, которая все еще была покрыта снегом, – сообщал Маттон, – я согласился с губернатором в отношении выбора места для монумента. Сам Шевардинский редут не подходил, русское правительство очень хочет восстановить его таким, каким он был в 1812 году. Место, которое занимал Наполеон во время сражения, тоже должно быть отвергнуто, поскольку полностью закрывается со стороны поля битвы деревьями, растущими на высоте, расположенной на небольшом расстоянии впереди и которая закрывает откос со стороны оврага. Место, выбранное для монумента, – как раз на этой высоте; оно расположено почти в 500 метрах к северо-востоку от Шевардинского редута. С него прекрасно видно поле битвы». Джунковский заверил Маттона, что вопрос с землеотводом он решит. Маттон поручил капитану Марешалю окончательное решение вопроса о месте возведения памятника.

Тем временем, во Франции продолжался сбор средств на возведение памятников солдатам Великой армии, павшим в России. По утверждению полковника Флэри, в конечном счете было собрано 60 тыс. франков³⁶. В каменоломнях Сан-Фага в Бургундии готовили гранитную пирамиду общим весом в 45 тыс. кг для памятника на Бородинском поле. 2-е бюро Генерального штаба предложило Артиллерийскому департаменту изыскать необходимое для отливки орла количество «старой бронзы»³⁷.

В России полковник Маттон занялся решением многочисленных вопросов, связанных с транспортировкой французского памятника на место его установки и выкупа под памятник земли в 50 квадратных сажень. Благодаря помощи генерала Джунковского и можайского исправника Краковского (?) первоначально достаточно быстро удалось убедить местных крестьян уступить землю за 120 рублей³⁸. Однако вскоре крестьяне потребовали увеличить сумму до 150 рублей. Наконец, потребовались еще расходы на составление плана межевания в 40 рублей. Маттон договорился также с инженером Перпиньяни (Perpignani), представлявшим в Москве дом «Верне

и Ко», насчет выполнения работ по доставке гранитных блоков на Бородинское поле и установке их на подготовленном для памятника месте. Как явствует из документов, большую помощь Маттону оказывали представители французской колонии в Москве. Наконец, 31 июля (ст. ст.) администрация Московско-Брестской железной дороги уведомила французов (по-видимому, через капитана Марешалля) о готовности осуществить перевозку блоков «по запасному пути (“par la voie de garage”))» к Шевардино³⁹.

Однако еще 8 июля полковник Маттон, который осуществлял координацию действий по сооружению памятников павшим Великой армии в России, вынужден был доложить в Военное министерство, что монумент, который планируется открыть на поле битвы при Москве-реке, к назначенному сроку, то есть к 26 августа (8 сентября), не может быть открыт. Если работы в России (закладка фундамента и сооружение насыпи) и будут закончены, то гранитные блоки и бронзовый орел, которые готовятся во Франции, не смогут быть доставлены вовремя. Маттон предложил процедуру открытия монумента свести к закладке первого камня. Что же до памятников, которые предполагалось возвести в Смоленске и Вильно, то сделать это в следующем году⁴⁰.

Полагаем, что этот документ, как и ряд других материалов из архива Исторической службы Министерства обороны Франции, определенно опровергают имеющую широкое хождение легенду о том, будто муляж памятника павшим Великой армии на Бородинском поле был возведен в 1912 г. по причине того, что гранитные блоки, для него предназначавшиеся, затонули вместе с кораблем «Курск» в районе пролива Каттегат. Эти два события не были между собой связаны напрямую, в отличие от того, как это стало интерпретироваться в прессе, а затем и в легенде.

В начале июня 1912 г. посол России в Париже А.П. Извольский информировал Пуанкаре о желании российского правительства «видеть французскую делегацию при открытии памятника, который будет воздвигнут на поле битвы при Москве-реке павшим Великой армии». Пуанкаре ответил, что «правительство Республики имеет

намерение быть представленным на этой церемонии». В письме к Мильерану премьер-министр отметил, что, получив приглашение, следует «отправить в Россию делегацию, не многочисленную, но такую, которая могла бы произвести благоприятное впечатление»⁴¹.

22 июня Мильеран ответил Пуанкаре, особо подчеркнув следующее: «Наше участие в этих торжествах должно быть ограничено исключительно гуманистическим аспектом почитания наших павших (“Notre participation à ces fêtes conserver ainsile caractère d’un homage rendu à nos morts”)). Мильеран предложил, чтобы во главе французской делегации был генерал де Лангль де Кари (de Langle de Cary), командир 8-го армейского корпуса. Имена же еще двух офицеров военный министр готов был назвать позже⁴². 10 июля Мильеран уведомил о том, что на открытии монумента павшим в 1812 году будут представлены, помимо генерала де Лангля де Кари, майор (шеф эскадрона) артиллерии Бюа (Buat), офицер штаба военного министра, и капитан пехоты де Ренти (de Renty), офицер штаба 66-й пехотной бригады⁴³.

В середине июля на стол Мильерана легла аналитическая записка по поводу предстоящих в России торжеств и участия в них французских представителей. В записке констатировалось, что все мероприятия, готовящиеся в России к 100-летию войны 1812 года, нацелены на то, чтобы произвести значительный эффект в плане «возбуждения национальных чувств русских». Однако это не означает, говорилось далее, что Россия связывает подобное с желанием продемонстрировать антифранцузские настроения, но, напротив, с укреплением франко-русского альянса. В подтверждение этого вновь, как это было сделано в аналитической записке Военного министерства в декабре 1911 г., приводились слова Николая II, сказанные им барону де Баю в августе 1910 г. Вместе с тем, «многочисленные русские особы», отмечалось в записке, выражают недоумение, видя, что Франция ничего не делает для увековечения памяти своих павших. Согласно официальным русским изданиям, предполагается сооружение двух монументов: одного – русским, другого – французам с надписью на французском языке на месте Шевардинского редута, а также двух одинаковых памятников на «батарее Сорбье».

Для участия Франции в торжествах в России необходимо получить от русских официальное приглашение. В состав делегации (делегаций) включить персон высокого ранга, а также представителей от обществ «Французская память» и «Сабреташ». Рекомендовалось активно задействовать французского военного атташе в Санкт-Петербурге и тех офицеров, которые проходят стажировку в русской императорской армии, а также использовать возможности барона де Бая⁴⁴.

Официальное приглашение от российских властей на юбилейные торжества, направленное через аппарат МИД на имя Р. Пуанкаре, было отправлено⁴⁵. Позже, а именно 20 июля (2 августа), Николай II по докладу С.Д. Сазонова принимает решение пригласить также и представителей «Французской памяти» и «Сабреташ»⁴⁶.

2(15) августа Маттон информирует Военное министерство Франции об официальной программе празднеств, утвержденной российским императором. В своем комментарии полковник замечает: все то, что касается французской делегации, не фигурирует никаким образом в отпечатанном варианте программы. Маттон также сообщает, что на заседании Комитета министров его председатель В.Н. Коковцов заявил, что по решению императора, в манифесте, который готовился тогда по случаю 100-летия войны 1812 года, «не должно быть ничего, что нанесло бы ущерб французскому народу, который сегодня нам дружелюбен». В тексте же уже утвержденного манифеста нет прямого упоминания о французах, но только слова о «нашествии народов Запада числом 20 национальностей (дванадцати языков)». Комментируя печатный текст официальной русской программы торжеств, Маттон сделал собственноручную приписку в отношении открытия французского памятника на Бородинском поле, которое должно было состояться 8 сентября: начало церемонии планировалось на 3:45; русский император вначале будет присутствовать на открытии русского памятника, а затем на открытии французского⁴⁷.

К 25 августа генеральный консул Франции в Москве Валикур представил Пуанкаре отчет о готовности к отправке в Россию двух французских делегаций: военной делегации во главе с дивизионным

генералом де Ланглом де Кари и объединенной делегации «Французской памяти» и «Сабреташ» во главе с дивизионным генералом Ф.Ф.Ж. Лебоном⁴⁸. Валикур отметил, что обе делегации приглашаются императором, поэтому все вопросы их пребывания будут решаться министром Двора, и при них будут состоять четыре офицера Генерального штаба. Сам император заявил о готовности присутствовать на той части церемонии открытия памятника на Бородинском поле, которая будет носить религиозный характер. В Москву уже прибыли 25 ящиков с венками от французских полков для возложения к монументу.

Валикур счел долгом написать, что гранитные блоки для памятника не могут быть доставлены к сроку. Поэтому французский Комитет в Москве согласовал с ним, генеральным консулом, решение соорудить из дерева муляж монумента, который по форме, по цвету и по надписи на нем будет походить на настоящий памятник. На вершине будет водружено временное изображение орла, сделанное в Москве и составленное из двух частей. Генеральный консул воспроизвел текст приглашения по случаю открытия монумента в честь павших Великой армии, который был одобрен генералом Лебоном. При этом он отметил, что в той части текста, где дается название сражения («...sur le champ de bataille de la Moskowa (Borodino) le dimanche 26 Août – 8 Septembre 1912 à 4 heures de soir»), он, Валикур, предлагал убрать упоминание имени «Бородино», ибо «именно Москва-река (Moskowa) является нашей национальной страницей»⁴⁹.

30 августа обе французские делегации отбыли поездом из Парижа и 31-го прибыли в Берлин. Генерал де Лангл де Кари с удовлетворением отметил в своем отчете, что пребывание в германской столице было не более 24 часов⁵⁰. 1 сентября миссия отправилась в Петербург на поезде, в котором ехал и великий князь Михаил Михайлович. Когда поезд прибыл на станцию Веселово и предстояло дожидаться поезда до Петербурга, Михаил Михайлович, как отметил в отчете де Лангл де Кари, весьма радушно пригласил членов французских делегаций расположиться в зале, специально для него разрезервированном.

2 сентября, после полудня, французские делегации были уже в Санкт-Петербурге, где их на вокзальной платформе встречали полковник Маттон и полковник Я.Д. Юзефович из русского Генерального штаба. Три дня – 3, 4 и 5 сентября – были заполнены у членов делегаций визитами во французское посольство, к военному и военно-морскому министрам, ключевым фигурам императорского Двора. С большим удовлетворением де Лангл де Кари отметил знакомство делегаций с князем А.Г. Романовским, герцогом Лейхтенбергским, потомком принца Евгения Богарне, и почетным президентом французского Комитета по воздвижению памятника павшим Великой армии на Шевардине. Французский посол Жорж Луи дал в честь делегаций обед, на котором присутствовал военный министр Сухомлинов, официально принявший французские делегации уже на следующий день. В отчете французского генерала была отмечена «особая сердечность», проявленная Сухомлиновым по отношению к парижским посланникам⁵¹. Помимо официальных и полуофициальных встреч в Петербурге французские миссии возложили цветы на могилу Александра III, зачинателя франко-русского союза, в Петропавловском соборе и совершили экскурсию по «очень хорошим залам с очень интересной лекцией» Музея артиллерии. Экскурсию вел полковник Д.П. Струков.

6 сентября в 9 утра специальным поездом французские делегации были доставлены из Петербурга на вокзал станции Бородино. Вместе с французами в вагонах поезда были адъютанты императора Николая II. В течение всей поездки между французами, в особенности военными, и русскими офицерами установились самые сердечные отношения. Полковник К.А. Нарышкин, помощник начальника Военно-походной канцелярии императора, будучи начальником поезда, «с большой грациозностью облегчил контакты между офицерами двух стран». Незадолго до полудня на станцию Бородино прибыл поезд с императором Николаем II. По окончании обхода всех его встречавших, император отбыл в Ставку, расположенную примерно в 2 верстах, недалеко от Главного монумента, и соединенную со станцией Бородино специально проложенной временной железнодорожной веткой.

Вскоре после полудня французские делегации на автомобилях были доставлены к т.н. Инвалидному домику⁵², недавно заново отстроенному, который располагался недалеко от Главного монумента. Здесь французы должны были быть представлены императору. Сама дорога, идущая от станции Бородино к Главному монументу, не могла не произвести впечатления на французов. Полковник Флэри написал об этом так: «А по всей длине этой дороги, с каждой стороны, – памятники и могилы. Здесь – памятник генералу Неверовскому; там – памятник некоему полковнику; еще далее – стелы, воздвигнутые в честь полков или батальонов... В общем, эта дорога могил напоминает священный путь в Риме, и вызывает такое же болезненное и мучительное чувство»⁵³.

Ближе к Курганной высоте, «вокруг, насколько можно было видеть, построились в пешем порядке части, которые принимали участие в битве при Москве-реке» (де Лангль де Кари). Было видно, как государь на лошади проводил осмотр войск. Императрица и наследник ехали за ним в коляске, запряженной цугом. После осмотра царский кортеж приблизился к Инвалидному домику. Вначале Николай II побеседовал с ветеранами и современниками событий 1812 года, находившимися в саду, затем вошел вовнутрь, осмотрел выставку, которая там была развернута, выпил чаю и, наконец, вместе с императрицей вышел в сад, где обер-церемониймейстер барон П.П. Корф «представил их величествам дам, входивших в состав французских депутатий, и всех членов оных. Беседа их величеств с членами депутатий продолжалась около получаса...», – так вспоминал этот эпизод Джунковский⁵⁴. «По окончании смотра состоялось представление официальной миссии и делегации “Французской памяти” императору, затем император адресовался к каждому из нас», – писал в отчете де Лангл де Кари⁵⁵. «В сердечности приема, которого мы были удостоены Их величествами, чувствовалось, что присутствие наших представителей желанно и ожидаемо. Для всех были найдены изящные и теплые слова», – писал полковник Флэри⁵⁶.

Беседа императора и императрицы с французскими делегациями была прервана прибытием к Инвалидному домику крестного хода с иконой Смоленской Божией Матери «Одигитрии». Полковник Флэри,

пораженный необычным для него зрелищем, написал так: «“Великая Смоленская Богородица (Vierge de Smolensk)”, огромная и высокочтимая икона, которую несут сорок солдат, выдвигается на равнину, чтобы далее взойти на вершину к памятнику. Ее сопровождает митрополит Московский, более чем тридцать епископов в торжественных одеяниях, многочисленное духовенство, несущее хоругви и иконы, горящие золотом. Это видение византийского Востока во всем его магическом блеске»⁵⁷. Государь, государыня, их дети, свита и члены французских делегаций вышли навстречу иконе. В.Ф. Джунковский описал последующую сцену, которую явно с любопытством и некоторым удивлением наблюдали французы, так: «Крестный ход остановился; митрополит Владимир, подойдя к Государю, приветствовал его краткой речью. Выслушав приветствие, их величества и высочества, поцеловав крест и приняв окропление святой водой, приложились к чудотворной иконе. Войска взяли “на молитву”, хоры музыки заиграли “Коль славен”, крестный ход повернул к бородинскому памятнику, их величества с особами императорского дома и лицами свиты последовали за ним, идя непосредственно за иконой»⁵⁸.

Французов «пригласили следовать сразу после великих князей, с императорской свитой, в процессии Богоматери Одигитрии (la Vierge Odigitri), чудотворной иконы, которую пронесли перед фронтом войск так, как это было в свое время в сражении при Бородино», – написал в своем отчете де Лангль де Кари⁵⁹. На Курганной высоте, недалеко от Главного монумента и того места, где пал 7 сентября 1812 г. генерал О. Коленкур, члены французских делегаций отстояли панихиду по императору Александре I и павшим в Отечественную войну русским воинам. «При возгласении вечной памяти их величества и все присутствующие, – вспоминал В.Ф. Джунковский, – опустились на колени». Надо полагать, то же пришлось сделать и гостям из Франции. Затем икона, вслед за которой шествовал государь и свита, среди которой были и французы, в течение более часа стала обноситься по фронту выстроившихся войск. «Войска держали ружья “на молитву”, хоры играли “Коль славен”. На всех флангах находились начальники частей»⁶⁰.

В связи с отсутствием в окрестностях Бородинского поля не только гостиниц, но даже и постоянных дворов все высокие участники торжеств, в том числе представители Франции, были размещены на ночлег в вагонах первого класса. Там же, в поездах, в вагонах-ресторанах было организовано питание.

Утро 8 сентября началось для французских участников праздника с вручения полковником К.А. Нарышкиным от имени императора наград и памятных подарков. Генерал де Лангль де Кари был удостоен Большого креста ордена Белого орла. Майор Бюа, который был уже кавалером ордена Св. Станислава 2-го класса, получил крест ордена Св. Анны 2-й степени. Капитан де Ренти, имевший орден Св. Анны 3-го класса, был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени. Все мужчины – члены объединенной делегации «Французской памяти» и «Сабреташ» также были отмечены наградами разного достоинства, в то время как дамам от имени императрицы были вручены ювелирные изделия с императорскими воинскими атрибутами. Кроме того, каждый из членов двух миссий получил, помимо наград, памятную медаль с изображением Александра I, отчеканенную в связи со 100-летием войны 1812 года⁶¹.

Торжества 8 сентября были открыты литургией в соборе Спасо-Бородинского монастыря, после чего от монастыря к Главному монументу на батарее Раевского начался крестный ход. На протяжении полутора верст на всем пути стояли «в безукоризненном порядке, обнажив головы, в благоговейном молчании» (В.Ф. Джунковский) толпы народа. Оркестры исполняли «Коль славен». Среди участников крестного хода, «заняв одно из первых мест» (де Лангл де Кори), двигались и члены французских миссий. На Курганной высоте, обрамляя Главный монумент, были выстроены в четыре линии войска, за ними и у Инвалидного домика стояли толпы народа. После установки иконы Смоленской Божией матери Одигитрии в походной церкви Александра I, разбитой недалеко от Главного монумента, вновь «началось благодарственное молебствие с коленопреклонением в память избавления от нашествия двенадцати языков» (В.Ф. Джунковский). Раздавался салют из восьмиорудийной батареи, со всех церквей доно-

сился колокольный звон. Служба завершилась в начале первого часа. После обхода памятника и могилы П.И. Багратиона Николай II, сев на лошадь, начал осмотр «частей всех тех войск, которые представили делегации от полков-участников 1812 года. Члены французской военной миссии также были посажены на лошадей и в составе свиты императора стали участниками этого осмотра («За Государем следовала блестящая свита, среди них выделялись французские генералы и офицеры» (В.Ф. Джунковский)). Однако еще до его окончания смотра они возвратились к Главному монументу, дабы возложить к его подножию серебряный венок от имени французской армии. «В то время как готовится парад, генерал де Лангл спешивается. – Описывает эту сцену полковник Флэри. – Сопровождаемый генералом Торси и всеми нами, он медленно поднимается на холм к русскому монументу. Солдаты за нами несут венки, привезенные из Франции: от французской армии русской армии, от Сената и Палаты депутатов, от нашего комитета, от школы Сен-Сир, от Политехнической школы, и т.д. Все взгляды, и из императорского окружения, и их полков, и из огромной толпы, которая заполнила равнину, сосредоточены на нашей маленькой группе французов, и эта сцена – сцена высокого и великодушного военного братства, – весьма впечатляет всех участников»⁶². Генерал де Лангл де Кари дал подробное описание этого венка. Он состоял из двух веток – лавровой и дубовой, образующих круг диаметром примерно метр, соединенных внизу узлом с надписью «Русским, павшим за Родину – 1812 – французская армия» («Aux Russes tombés pour la Patrie – 1812 – L'Armée Française»). Сверху венка была сделана корона, покоившаяся на подушке из черного велюра, окаймленная серебряными ленточками. К короне были подвешены ленты национальных цветов. Согласно специальному распоряжению императора, этот венок был размещен перед всеми остальными, что, как заметил де Лангл де Кари, отнюдь не общепринято⁶³. Помимо венка от французской военной делегации, французами были возложены венки «от французского Комитета 1812 года, французского Сената, французской Палаты депутатов, Парижской политехнической школы, Сен-Сирской школы и муниципалитета Парижа»⁶⁴.

После объезда войск император принял парад, во время которого разместился непосредственно рядом с французскими делегациями, «зрительно оказывая тем самым честь нашей нации»⁶⁵.

По окончании парада в саду Бородинского дворца состоялся «завтрак для лиц, приглашенных на торжества, потомков участников Бородинского сражения и начальников отдельных частей» (В.Ф. Джунковский). «И вновь два французских генерала (имеются в виду де Лангл де Кари и де Торси. – *Прим. автора*) заняли особые места за столом в непосредственной близости от стола императорской фамилии»⁶⁶.

По окончании завтрака, когда император начал объезд Бородинского поля и осмотр многочисленных монументов, французская миссия направилась в сторону Шевардинского редута, недалеко от которого был воздвигнут временный памятник павшим Великой армии⁶⁷. Французским делегациям «было объявлено о визите императора к концу дня к нашему французскому монументу, и это благородное почтение, проявленное к героям Великой армии, должно стать венцом благочестивых церемоний в Бородино», – отметил полковник Флэри⁶⁸. Вместе с французскими делегациями к памятнику прибыли князь А. Романовский, герцог Лейхтенбергский, председатель Совета министров Коковцов, военный министр Сухомлинов, московский губернатор Джунковский, множество русских генералов и офицеров.

Прибывшие увидели окружившую временный монумент плотную толпу, состоявшую из более чем двухсот членов французской колонии в Москве во главе с П. Жиро, приехавших сюда специальным поездом. Полтора десятка молодых людей из числа «московских французов» держали в руках «огромные трехцветные флаги французских и русских цветов: прелестное и живое оформление, весьма удачно подготовленное нашими друзьями из московского комитета», – отметил Флэри⁶⁹.

Хотя сам «монумент был временной постройкой, – записал в отчете генерал де Лангль де Кари, – но по форме он был таким же, каким должен быть после завершения, в виде пирамиды, воздвигнутой

над насыпью и увенчанный бронзовым орлом. На пирамиде была простая надпись: “Павшим Великой армии – 1812 (Aux morts de la Grande-Armée 1812)”. Эта насыпь, на которой стоял памятник, была закрыта венками от многочисленных французских полков. В этот момент (когда де Лангль де Кари подходил. – *Прим. автора*) русская армия возлагала прекрасный серебряный венок»⁷⁰.

Аббат Видаль (Vidal), кюре церкви св. Людовика в Москве, начинает религиозную службу – он «торжественно дает отпущение грехов с помазанием и молится за мертвых. Все мы переживаем чудовищную драму 1812-го. Сердца сжимаются, а некоторые глаза увлажняются...» – проникновенно написал о тех минутах полковник Флэри⁷¹. После этого на деревянный помост, сооруженный около памятника, всходит генерал де Торси и от имени Комитета по сооружению монумента первым произносит речь, в которой не только напоминает об исторических событиях 100-летней давности, но и подчеркивает то, что «жестокие воспоминания прошлого не могут еще больше не привязать сердца обеих наций друг к другу, и руки их сплетутся над могилами павших, которые будут напоминать нам во век о героизме, самоотречении и патриотической преданности солдат двух наших армий»⁷².

В выступлении Терно-Компана, прозвучавшем от имени общества «Сабреташ», было сказано о том, что французские представители «пришли сюда – на эту гостеприимную и дружественную землю – дабы верить защите наших павших чести наших союзников»⁷³. В речи полковник Флэри от имени общества «Французская память» также не преминул отдать дань уважения «героизму русских» и выразил благодарность «русскому императорскому правительству», которое обратилось к памяти «о тех колоссальных столкновениях, которые потрясли в 1812 году народы Запада и славянский мир»⁷⁴.

«Полная общность царила между публикой и ораторами. И я должен добавить, – писал полковник Флэри, – что высокие русские персоны, которые нас окружали, в этот незабываемый час полностью одобряли то высокое почтение, которое оказывалось нашим героям...»⁷⁵ «Великий дух патриотизма и братства по отношению

к нашим союзникам охватил наших соотечественников и всех, кто представлял здесь два народа, которые расточали по отношению друг к другу свидетельства пламенной симпатии», – вторил Флэри генеральный консул де Валикур⁷⁶.

Как только генеральный консул в Москве де Валикур произнес в заключение запланированных выступлений несколько слов (было, по мнению де Лангля де Кари, Флэри и Валикура, около 6 часов; по-Джунковскому, около 7 часов вечера) показался императорский кортеж. Императора сопровождали великие князья и охрана. В сотне метрах от памятника Николай II вышел из автомобиля и двинулся, в окружении свиты, к собравшимся вокруг монумента. Император пожал руки нескольким генералам, офицерам, членам французских делегаций, генеральному консулу Валикуру, произнося при этом слова приветствия, и занял место в центре собравшихся, лицом к памятнику. Свита императора разместилась позади него полукругом⁷⁷. Тотчас генерал де Торси, обращаясь к Николаю II, произносит краткое приветствие, выражая в нем радость видеть «новое доказательство того, что сын императора Александра III унаследовал доверие, проявленное ранее его знаменитым отцом к бывшим противникам, которые никогда, как уже было сказано, не были врагами – и Франция счастлива присоединить свое имя к демонстрации благодарности и уважения, которыми она любит окружать память высокочтимого основателя союза России и Франции»⁷⁸.

Аббат Видаль начинает повторную службу, отпуская грехи, молясь за усопших и благословляя памятник. «Очень собранный и, кажется, очень тронутый, с непокрытой головой, царь слушает латинские молитвы и печальное пение *Miserere*⁷⁹».

В своей брошюре полковник Флэри не удержался, чтобы не привести цитату из статьи г-на Ажалъбера (Ajalbert), напечатанной в «Журналь» (“Journal”) 21 сентября: «Ни звука на вековом поле битвы, кроме французских голосов священника и его псаломщиков, стоящих на этом деревянном помосте, украшенном трехцветной тканью. И эта смиренная служба под первыми звездами, в блеске заходящего солнца этих дней, отбрасывающего золото и огонь, на этом

ярком и одновременно мерцающем фоне – сие создавало в высшей степени волнующий и в высшей степени горестный контраст»⁸⁰.

По окончании службы генерал де Торси преподнес императору золотую медаль с изображением памятника, выбитую в честь происходящей церемонии, а затем предложил подписать протокол открытия этого монумента⁸¹. Затем протокол подписали великие князья, а на обороте – ряд членов французских делегаций, первым из которых поставил подпись А.Г. Романовский, герцог Лейхтенбергский, личность которого как бы связала не только два комитета – французский и русский – по сооружению памятника, но и воспринималась как своего рода символ нерасторжимого единства русской и французской элит и их памяти о событиях 100-летней давности⁸².

Отдав дань уважения павшим Великой армии, Николай II пешком отправился на Шевардинский редут, осмотрел его, постоял возле сооруженного на нем памятника русской 3-й гвардейской артиллерийской бригаде⁸³. Когда Николай II, возвращаясь с Шевардинского редута, подходил к своему автомобилю, дабы отбыть в Ставку, французы, собравшиеся возле памятника павшим Великой армии, огласили воздух громогласным «Vive l'Empereur!», а затем повторили этот возглас снова и снова. «Наши соотечественники, – отметил генеральный консул Валикур, – салютовали также – многие в этом признались – не только тому, кто отъезжал, но еще и, главным образом, Наполеону, победителю битвы при Москве-реке, и связывали свои клики с великим актом примирения двух народов в отношении прошлого (“à ce grand acte de rapprochement des deux peuples dans le passé”)⁸⁴. В подобном же духе, но все же несколько меняя акценты, описал этот эпизод де Флэри: «Возглас “Vive l'Empereur” звучал долго. Признаться, я бы предпочел услышать возглас “Vive le Tsar”. На этом поле битвы и перед нашим памятником французский возглас “Vive l'Empereur” в отношении потомка Александра I звучал немного шокирующе (“détonnait un peu”). А некоторым из тех, кто был сейчас среди нас, вспомнилось, что с тем же возгласом “Vive l'Empereur”, звучавшим в честь великого Императора, храбро погибали герои, которых мы только что почтили...»

Тем же вечером 8 сентября поезд, в котором французские миссии пребывали в течение трех дней, отбыл в Москву. Им предстояло еще участие в иных многочисленных мероприятиях, связанных со 100-летием войны 1812 года.

Подводя итоги своего визита в Россию, французы не могли не отметить особую теплоту и внимание, с которыми их принимали. «...Мы убедились в том, – писал полковник Флэри, – что наши союзники продолжают относиться к нам с прежней сердечностью, с тем же искренним, как и ранее, желанием сохранить с нами дружбу. Грандиозные и волнующие церемонии, на которых мы имели честь присутствовать в первых рядах, определенно вызвали между представителями двух армий новые симпатии, которые преумножились с тех пор, как великий князь Николай был во Франции; и теперь, за эти несколько дней, в ходе того приема, который мы получили на Бородино и в Москве, эти симпатии поднялись на достойную высоту». В ходе чествования памяти героев прошлого произошло «еще более тесное и доверительное сближение двух великих наций, которые оказались в состоянии забыть за то время, которое уже прошло, и время немалое, свое прежнее соперничество, дабы размышлять теперь только об общих надеждах на день завтрашний»⁸⁵.

Не менее определенно высказался в своем отчете де Лангл де Кари: «Подводя итоги, следует отметить, что миссия была объектом внимания в высшей степени предупредительного и в то же время лестного; очевидно, что император, министры, члены их фамилий, высокие гражданские и военные власти не уставали в ходе всех церемоний демонстрировать это перед представителями Франции, размещая нас в первых рядах; множество раз, Его величество выражал свое удовольствие видеть официальных представителей правительства республики. Со своей стороны, я убежден, что присутствие миссии придавало празднованию Столетия, по большей части, особый характер в том смысле, что все действия и все слова тщательно взвешивались или были нацелены на то, чтобы не дать нашей нации, сегодня дружественной и союзной России, какой-нибудь повод вызвать законное раздражение»⁸⁶.

Торжества, прошедшие на Бородинском поле и в Москве в связи со 100-летием войны 1812 года, должны были иметь как для русских, так и для французов продолжение. Прежде всего, надо было провести фактически вторичное открытие памятника на Бородинском поле, заменив временную модель на гранитный монумент. К истории о судьбе гранитных блоков, которые должен был доставить из Антверпена в Санкт-Петербург пароход «Курск», принадлежавший датской Объединенной компании пароходства, который затонул, не раз обращался ряд отечественных авторов⁸⁷. По всей видимости, первая публикация об этой трагедии появилась в «Санкт-Петербургских ведомостях» за 22 августа (ст. ст.) 1912 г. Во Франции пресса стала писать об этом тогда же – с 5 сентября (н. ст.). 10 сентября газета «Тан» сообщила важную новость: вместе с пароходом «Курск» потонули только гранитные блоки, а бронзовый орел, который должен был венчать пирамиду, все еще оставался в литейной мастерской⁸⁸.

Документы архива Исторической службы Министерства обороны Франции, к сожалению, дают только общую картину последующей истории памятника. На изготовление новых блоков пошли те деньги, которые к сентябрю 1912 г. аккумулировались как в результате деятельности французского Комитета, так и полученные благодаря страховке первоначально перевозимых гранитных блоков. После размещения нового заказа на гранитную пирамиду в фонде Комитета осталось не более 20 тыс. франков. Это автоматически ставило под вопрос возможность полного покрытия расходов по сооружению монументов в Вильно, Смоленске и на Березине, а также организации соответствующих торжественных мероприятий⁸⁹. В мае 1913 г. переписка между организацией «Французская память», Военным министерством и Министерством иностранных дел Франции заметно оживилась. Военно-историческая общественность в лице «Французской памяти» всерьез была обеспокоена необходимостью срочного решения ряда проблем по установке постоянного памятника на Бородинском поле.

4(17) сентября в московской гостинице «Националь» состоялось совещание нескольких членов французского Комитета по возведению в России памятников, а также представителей французской ко-

лонии в Москве. На нем обсуждался чрезвычайно важный вопрос, который, казалось бы, возник совершенно неожиданно. Несмотря на заверения Джунковского о том, что проблема с землеотводом под французский памятник на Бородинском поле будет легко решена, и решение от 17 мая (ст. ст.) 1912 г. крестьянского схода о продаже 50 квадратных сажень (вначале за 120, затем в конечном итоге за 190 руб.) земли под памятник это будто бы подтверждало, вопрос возник снова. По информации, представленной капитаном Марешалем, оказалось, что, во-первых, эта земля за крестьянами дер. Шевардино юридически должным порядком не закреплена, во-вторых, совершенно не ясно, на кого можно оформить покупку земли, поскольку организация «Французская память» таким правом по российскому законодательству не обладает⁹⁰.

Решение этой проблемы явно затягивалось. 23 ноября 1912 г. Комитет по возведению памятников французам, павшим в России, провел специальное заседание по этому поводу. На нем было зачитано заявление генерала Э.Ж.Ш. Пульё (Poulléau), президента «Французской памяти» и президента Комитета, о том, что еще месяц назад, 23 октября, на заседании общества «Французская память» было заявлено: вопросы о принадлежности памятника на поле битвы при Москве-реке и земли, на которой он стоит, будут разрешены усилиями г-на Поля Жиро из Москвы. Жиро должен был выступить как мандатарий «Французской памяти»⁹¹.

Действительно, в феврале следующего, 1913 г., П. Жиро, директор крупнейшего в России предприятия по производству шелковых изделий «К.О. Жиро Сыновья» (С. Giraud fils), в качестве представителя французской колонии в Москве принимавший активное участие в открытии памятника на Бородинском поле, попытался решить эту проблему. Однако сделать это ему не удалось. Обратившись к главному нотариусу в Можайске с просьбой заверить сделку с покупкой у крестьян Шевардино земли, получил отказ. Нотариус заявил, что осуществить покупку можно только через французское правительство⁹². Более того, крестьяне д. Шевардино заявили Жиро, что желают продать землю французскому правительству, но не Жиро как частному лицу⁹³.

В начале 1913 г. полковник Маттон должен был завершить свою службу в качестве военного атташе в России. Дела, связанные с памятником погибшим в 1812 г. в России французам, он перепоручил капитану Марешалю, срок стажировки которого в войсках московского гарнизона еще не завершился. Марешаль, по-видимому, и был инициатором собрания 4(17) сентября в гостинице «Националь», столкнувшись накануне с невозможностью официально оформить сделку по приобретению земли. Обращение Марешаля вначале к г-ну Кёхлину (Koeschlin), члену французской колонии в Москве и директору фабрики общества «Банилово» (“Banilovo”), представлявшему «Французскую память» в Москве, а затем и к П. Жиро, не привели к положительному результату⁹⁴.

Между тем, работы по изготовлению нового монумента для установки его на Бородинском поле вместо деревянно-гипсовой модели приближались к завершению. Предполагалось, что в течение марта 1913 г. они будут закончены. 11(24) февраля 1913 г. г-н Аркюе (Arqué), управляющий делами генерального консульства Франции в Москве, представил Ж. Луи, французскому послу в России, обстоятельную записку с изложением проблемы приобретения земли под памятник. Аркюе видел два варианта ее решения. Первый вариант – приобретение земли на имя «Французской памяти». В этом случае трудности, по его мнению, могли возникнуть из-за позиции крестьянского мира (“*mil*”), хотя это могло бы быть преодолено благодаря вмешательству русских властей (в частности, Джунковского). Кроме того, существует вопрос, может ли «Французская память» выступать в качестве владельца собственности (“*à posséder*”) в России? Этот вопрос Аркюе предлагал выяснить через посольство или генеральное консульство России в Париже. В крайнем случае, в качестве приобретателя может выступить генеральный президент «Французской памяти», либо президент московского отделения этого общества.

Второй вариант – приобретение земли на имя французского правительства. В этом случае важно, считал управляющий делами, решится ли на это само правительство. В случае приобретения земли

правительством оно могло бы затем передать ее обществу «Французская память». Но, как объяснял накануне г-н Аркюе г-ну Жиро, он не может взять на себя смелость сделать правительству подобное предложение (о приобретении земли). Аркюе давал понять Луи, что предложение такого рода должно исходить от самого посла⁹⁵.

10 марта 1913 г. Жорж Луи, французский посол в России, представил Шарлю Жоннеру, министру иностранных дел Франции⁹⁶, записку с кратким изложением обстоятельств дела. (В тексте записки чувствовалось плохо скрываемое раздражение французского посла в отношении русских властей, которые организовали открытие монумента в присутствии царя и официальной французской делегации, а затем предоставили французам решать вопрос о его принадлежности.) Луи указывал на нежелательность задержки с установкой монумента, но отметил, что генеральный консул не может от имени французского правительства совершить подобную сделку⁹⁷.

21 марта Министерство иностранных дел в лице замещающего Жоннера Пьера де Маргери (P. de Margerie) обратилось в Военное министерство с предложением завершить осуществление работ по установке памятников павшим в России солдатам Великой армии⁹⁸.

29 марта начальник Генерального штаба французской армии генерал Ж. Жоффри отправил военному атташе в Петербурге генералу П. де Лагишу письмо, в котором упомянул, что Петербург через Сазонова дает согласие на участие французского комитета в мероприятиях по открытию памятника и выразил заинтересованность французского командования в успешном завершении затянувшегося процесса установки этого монумента⁹⁹.

10 апреля из Министерства иностранных дел в Военное министерство было отправлено еще одно письмо, из которого следовало, что капитан Марешаль, вслед за Маттоном, также покинул Россию, и это в еще большей степени усугубило ситуацию с памятником на Бородино¹⁰⁰.

Только 7 мая 1913 г. Военное министерство уведомило французский Комитет в лице его генерального секретаря о согласии Военного министерства купить землю, на которой будет воздвигнут

бородинский монумент. Вместе с этим в письме содержалась настоятельная просьба к Комитету оказать всю возможную помощь в оформлении покупки, в сооружении самого памятника и в его содержании¹⁰¹. Ниссен, получивший это письмо, представил его генералу Пульё. 10 мая на заседании обеих обществ – «Французской памяти» и объединенного Комитета – текст протокола, где фиксировалось решение проблемы, был утвержден¹⁰². 14 мая Министерство обороны было об этом уведомлено¹⁰³, а 26 мая было доложено военному министру¹⁰⁴.

В аналитической записке, подготовленной по этому поводу 26 мая и подписанной Жоффром, была кратко изложена суть вопроса. Было отмечено, что проблему следует решать как можно скорее, ибо сам монумент (гранит и бронза) находятся уже по дороге в Россию. На документе стояла одобряющая резолюция военного министра Эжена Этьена¹⁰⁵. В тот же день Военное министерство уведомило о своем решении Министерство иностранных дел¹⁰⁶. 29 мая Жоффр сообщил Ниссену о том, что отдал распоряжение, чтобы военный атташе в Петербурге взял на себя функции генерального представителя Комитета в России и принял участие в предстоящем официальном мероприятии открытия монумента, хотя, как заметил начальник Генерального штаба, «это участие и не кажется необходимым в данный момент; оно, помимо прочего, провоцирует определенное соперничество, и трудности такого рода следует представлять (*“cette participation ne paraît plus nécessaire à l’heure actuelle; elle serait même de nature à provoquer par suite de rivalités locaux, des difficultés qu’il est préférable d’écarter”*)»¹⁰⁷.

3 июня военный министр Этьен сообщил Ниссену о решении министерства, а также о том, что попросил Министерство иностранных дел адресоваться по этому поводу к генеральному консулу Франции в Москве¹⁰⁸.

В целом, очевидно, что как и ранее, в 1913 г. все силы французской общественности и французских официальных структур оказались сконцентрированы на установке памятника на Бородинском поле. Он был вторично открыт 26 августа (8 сентября) 1913 г. Высота памятника оказалась меньше, чем планировалось ранее (теперь

6,5 м вместе с орлом вместо 8 м), и пирамида на этот раз была высечена из более дешевого вогезского гранита. Более того, и сама церемония открытия памятника в 1913 г. оказалась достаточно скромной и даже скомканной¹⁰⁹. После заупокойной мессы и освящения памятника прозвучали краткие речи присутствующих, а затем перед монументом прошел взвод юнкеров Александровского военного училища. Оркестр того же училища исполнил «Марсельезу», после чего прозвучал русский гимн «Боже, царя храни» и раздались крики «ура». Попытки Е.А. Бочкова выяснить, был ли на этой церемонии кто-либо из официальных русских властей, окончились безрезультатно. Достоверно известно только, что на церемонии присутствовали чины саперной роты, выполнявшей работы на Бородинском поле, и что от русских ревнителей памяти войны 1812 года был возложен венок с надписью «Великой армии 1812 года».

Удалось ли установить памятники погибшим в 1812 г. чинам Великой армии в Вильно, на Березине и в Смоленске? Этого в те годы сделано не было. Одной из главных причин стало, по мнению автора, то, что уже в 1913 г. военные власти Франции не только потеряли интерес к подобного рода мероприятиям, но и дали понять французской военно-исторической общественности их нежелательность. Помимо достаточно прозрачных намеков в этом плане со стороны Жоффра, о чем мы уже упоминали, соответствующую позицию занял и военный атташе генерал Лагиш («сухой чопорный старичок, гордившийся своим аристократическим происхождением», как писал о нем русский военный агент во Франции граф А.А. Игнатьев).

В письме к Ниссену от 29 мая 1913 г. по поводу сооружения памятника в Вильно генерал Лагиш прямо заявлял, что далеко не во всем одобряет активность своего предшественника полковника Маттона, считая, что проблема установки памятника таит в себе большую опасность как с точки зрения «соперничества народов, так и с политической точки зрения». По его мнению, у французской армии в эпоху Наполеона были более славные победы, чем в 1812 г., «к примеру, Аустерлиц, Йена и другие»¹¹⁰.

Начавшаяся вскоре после торжеств, посвященных 100-летию Отечественной войны 1812 года, новая война (в России также одно время называвшаяся Отечественной), Первая мировая (Великая война, как ее чаще называли и называют во Франции), актуализировала новые, далеко не всегда связанные с Наполеоновской эпохой, темы, сюжеты и воспоминания. Правда, в ноябре и декабре 1941 г. батальон 638-го пехотного полка войск германского вермахта, состоявший из французов, оказался участником битвы за Москву (в дальнейшем это даже породило легенду, будто бы батальон дрался на Бородинском поле возле памятника павшим Великой армии), а в 1942 г. по инициативе того же полка в Студенке на недолгое время (до 1944) появится памятник на месте переправы солдат армии Наполеона. В 1996 г. на Брилевском поле установят новый, т. н. «французский» памятник, в 2002 г. появится т. н. «швейцарский», а затем и ряд мемориальных плит на местах захоронения воинов Великой армии¹¹¹.

Осенью 1975 г. вокруг памятника «Павшим Великой армии» на Бородинском поле будет сделано ограждение в виде невысоких гранитных столбов, удерживающих цепи. Ограждение планировалось сделать еще во время установки памятника, но это оказалось отложенным на много лет – до посещения Бородинского поля президентом Франции В. Жискаром д'Эстеном 17 октября 1975 г. В ознаменование этого визита на лицевой стороне памятника появилась соответствующая мраморная табличка.

Подведем итоги. В условиях приближавшейся мировой войны Россия и Франция оказались заинтересованы в поисках таких исторических основ, которые бы объясняли и способствовали взаимному сближению двух народов и двух стран. Как ни странно, но важнейшей страницей взаимной истории России и Франции при решении такого рода задачи стала война 1812 года. Несмотря на то, что уже в самом названии войны (Отечественная война для русских и Русский поход Наполеона для французов) были заложены различия в историческом восприятии двумя народами событий той эпохи, стратегическая задача объединения сил против

потенциального противника Германии и ее возможных союзников заставила государственные элиты России и Франции прибегнуть к тому, что сегодня нередко носит название «переформатирование памяти».

Документы свидетельствуют, что инициатива реализации такого проекта исходила от российской стороны, что было вполне объяснимо хотя бы потому, что для русских события 1812 года вписывались в то, что называют «памятью-победой», тогда как для французов это была «память-травма».

Две страны и два народа разделяли обстоятельства и иного рода. Франция была республикой (напомню, что в Европе того времени было только три страны с республиканской формой правления – Франция, Швейцария и Сан-Марино), Россия – полуабсолютистской наследственной монархией, французское общество демонстрировало высокую степень политических и гражданских свобод, в России же процессы, ведущие к этому, только начинались. Вследствие данных факторов, а также того, что Россия и Франция демонстрировали разные модели взаимодействия между государственными и общественными структурами, стороны проявили разную степень готовности к «мемориальному переформатированию». В России подобный процесс пошел более легко, что было связано со всеобщим доминированием государственного начала и слабым развитием структур общественных, а также и с тем, что обладателю памяти-победы оказалось значительно легче проявить благородное снисхождение к когда-то поверженному противнику, чем сделать это носителю памяти-травмы. Впрочем, определенный исторический реванш за поражения в 1812–1814 гг. Франция уже взяла в ходе Крымской войны, и на рубеже XX–XXI веков ее волновала травма более свежая, травма франко-прусской войны. Франция уже давно отнеслась к поражению Великой армии в России как к героической трагедии, которая делает большую честь даже не тому, кто выиграл, но тому, кто проиграл, тем больше, что битва при Москве-реке всегда расценивалась французами как победа, не говоря уже о вхождении наполеоновской армии в Москву и переходе ее через Березину.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00053. «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях»).

² Даты даны по новому стилю. При необходимости указывается и старый стиль.

³ Назарян Е.А. Участие МИД России в подготовке юбилейных торжеств 1912 г. //Бородино и Наполеоновские войны. Битвы, поля сражений, мемориалы. Материалы Международной научной конференции, посвященной 190-летию Бородинского сражения. Бородино, 9–11 сентября 2002 г. М. 2003. С. 404–409

⁴ Хомченко С.Н. Французский памятник и юбилейные торжества на Бородинском поле 7–8 сентября 1912 г. в воспоминаниях полковника В.-А. Флёри // Отечественная война 1812 года. Источники, памятники, проблемы. Материалы XIX международной научной конференции, 7–9 сентября 2015 г. Бородино, 2016. С. 57–69.

⁵ Букреева Е.М. Исследовательские поездки барона де Бая в Бородино // Бородино и освободительные походы русской армии 1813–1814 годов: материалы Междунар. науч. конф. Бородино, 2015. С. 74–90.

⁶ Бочков Е.А. «В интересах поддержания наших сердечных отношений с Францией...» Участие французских делегаций в мероприятиях, посвященных столетию Бородинского сражения в 1912 г. // Петербургский исторический журнал. 2017. № 2 (14). С. 232–255; № 3 (15). С. 174–182. См. также более раннюю публикацию Е.А. Бочкова: Бочков Е.А. Памятник «Aux morts de la Grande Armée» на Бородинском поле сражения: история создания и установки // Военная история России XIX–XX веков. Материалы VIII международной военно-исторической конференции. СПб., 2015. С. 149–164.

⁷ Французский исследователь из Монпелье Эмиль Керн является единственным, кто упомянул о наличии этих материалов (*Kern E. Les commémorations de la réconciliation entre la France et la Russie (1812–2012). Saint-Denis: Edilivre, 2014. P. 109*), но и он не нашел возможности их использовать, предпочтя обратиться к опубликованным материалам.

⁸ SHD.

⁹ SHD. M. de Valicourt, consul de France à Moscou, à M. Poincaré, président du conseil, ministre des affaires étrangères. Moscou, le 9 septembre 1912.

¹⁰ SHD. Le Général de Division de Langle de Cary, Commandant le 8me Corps d'Armée, Chef de la Mission officielle Française en Russie, à Monsieur le Ministre de la Guerre (Etat-Major de l'Armée – 2me Bureau). Bourges, le 12 Octobre 1912.

¹¹ SHD. Le Colonel Matton, Attaché militaire à l'Ambassade de la République Française en Russie au Ministre de la Guerre (État-Major de l'Armée, 2e Bureau). Saint-Petersbourg, 3(16) Mars 1912; Le Colonel Matton, Attaché militaire à l'Ambassade de la République Française en Russie au Ministre de la Guerre (État-Major de l'Armée, 2e Bureau). Saint-Petersbourg, 12(25) Mai 1912.

¹² *Dry A.* (Colonel Fleury). Les monuments français du centenaire de 1812 et les Cérémonies de Borodino et de Moscou. Paris ; Nancy : Berger-Levrault, 1912 ; *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. М., 1997. Т. 1–2.; и др.

¹³ Бернацкий Николай Николаевич (1860–1941), участник русско-японской войны, с 1908 г. военный судья Виленского военно-окружного суда. Во время Гражданской войны – в Вооруженных силах Юга России. Умер в эмиграции.

¹⁴ Даты приводим по н. ст.; при необходимости указываем и ст. ст.

¹⁵ SHD. Le Colonel Matton, Attaché militaire à l'Ambassade de la République Française en Russie au Ministre de la Guerre (État-Major de l'Armée, 2e Bureau). Saint-Petersbourg, le 5/18 Août 1911. Факт встречи Бернацкого с Маттоном был зафиксирован в российских периодических изданиях – в «Виленском вестнике» (1912. 2(15) марта) и в «Журнале императорского русского военно-исторического общества» (1912. № 3. С. 79). Е.А. Бочков, процитировавший эти издания, с не очень понятным негодованием осудил инициативу Бернацкого, который, якобы, нарушил «принципы международной дипломатии» и, ратуя за сохранение памяти о павших французах, осквернил «память офицеров и солдат русской армии, отдавших в 1812 г. свои жизни за свободу и независимость Отечества» (*Бочков Е.А.* «В интересах поддержания...». № 2 (14). С. 236).

¹⁶ SHD. Ministère de la Guerre. Bordereau d'envoi. Paris, 31(?) Août 1911.

¹⁷ Это письмо в деле не сохранилось. Тема письма и дата установлены по: SHD. Ministère de la Guerre. Bordereau d'envoi. La 7e Direction (2e Bureau) à État-Major de l'Armée, 2e Bureau. Paris, 6 Décembre 1911).

¹⁸ SHD. F.-X. Niessen – Ministre de la guerre. Paris, 2 Novembre 1911.

¹⁹ Sabretache (фр.) ташка, гусарская сумка.

²⁰ Полный список участников комитета по возведению памятников в России привел полковник Флэри в своей брошюре (*Dry A.* (Colonel Fleury). Op. cit. P. 6–7. Note 1).

²¹ SHD. F.-X. Niessen – Ministre de la guerre. Paris, 25 Novembre 1911. 16 декабря Ниссен информировал Военное министерство о проведении первого заседания комитета, которое избрало своим президентом генерала Пуле, и просил оказать комитету помощь как со стороны Военного министерства, так и Министерства иностранных дел (SHD. F.-X. Niessen – Ministre de la guerre. Paris, 16 Décembre 1911). В брошюре Флёри указывалось, что заседание прошло в мастерской известного художника-баталиста Эдуарда Детайля, «великого художника, выразителя Эпохи» (*Dry A. Colonel Fleury*). *Op. cit.* P. 6. Note 1).

²² SHD. Ministère de la Guerre. État-Major de l'Armée, 2e Bureau. Section russe. Russie. Centenaire de 1812. Paris, Décembre 1911.

²³ *Ibid.* Ministère de la Guerre. État-Major de l'Armée, 2e Bureau. Section russe. Russie. Centenaire de 1812. Musée de 1812 à Moscou. Paris, Décembre 1911.

²⁴ *Ibid.* Le Ministre des Affaires étrangères à Monsieur le Ministre de la Guerre, État-Major de l'Armée. Paris, 12 Janvier 1912.

²⁵ 27 января 2-е бюро Военного министерства уведомило Маттона, что он назначается генеральным представителем Комитета по сооружению памятников солдатам Великой армии, погибшим в России в 1812 г. Маттону было предложено использовать тех французских офицеров, которые стажируются в России, дабы до 1 апреля прояснить ситуацию с установкой памятников на Бородино, в Смоленске и Вильно (Ministère de la Guerre, État-Major de l'Armée, 2e Bureau – Attaché militaire à Saint Pétersbourg. Paris, 27 Janvier 1912).

²⁶ *Ibid.* Le Ministre de la Guerre – F.-X. Niessen. Paris, 27 Janvier 1912.

²⁷ *Ibid.* F.-X. Niessen. – capitaine Wehrlin. Paris, 27 Janvier 1912. Ниссен сообщил также, что проект памятника для Бородинского поля, разработанный архитектором Бёсвилльвальдом, встретил одобрение со стороны русского военного атташе в Париже генерал-майора Г.И. Ностица.

²⁸ *Назарян Е.А.* Указ. соч.

²⁹ Ради справедливости отметим, что Ф. Рубо действительно оставался гражданином Франции, так и не приняв российского подданства.

³⁰ SHD. Le Colonel Matton, Attaché militaire à l'Ambassade de la République Française en Russie au Ministre de la Guerre (État-Major de l'Armée, 2e Bureau). Saint Petersburg, 19 Janvier (1 Février) 1912.

³¹ *Idem.* Le Ministre de la Guerre – le President du Conseil. Paris, 24 Février 1912.

³² *Idem.* Le President du Conseil, Ministre des Affaires étrangères à Monsieur le Ministre de la Guerre (État-Major de l'Armée, 2e Bureau.). Paris, 27 Février 1912.

³³ Idem. Ministère de la Guerre. Analyse. S.I., s.a. Период составления аналитической записки определяем по ссылке на письмо генерала Лагиша от 2(15) февраля 1912 г.

³⁴ Idem. Le Colonel Matton, Attaché militaire à l'Ambassade de la République Française en Russie au Ministre de la Guerre (État-Major de l'Armée, 2e Bureau). Saint-Pétersbourg, 4(17) Février 1912. Значительную активность и готовность к сотрудничеству с французами по увековечению памяти солдат армии Наполеона проявили местные власти и общественность Вильно и Смоленска. 2 февраля 1912 г. русский военный историк генерал от инфантерии А.П. Скугаревский отправил начальнику французского Генерального штаба Ж.Ж.С. Жоффру план сражения при Бородино, составленный на основе плана 1812 г. французских инженеров-географов Пресса, Шеврие и Реньо и работы русских топографов 1839 и 1902 гг. В ответном послании Жоффр горячо поблагодарил Скугаревского за подарок (A. Skougarewsky – J. Joffre. Saint-Pétersbourg, 2 Février 1912; J. Joffre – A. Skougarewsky. Paris, 9 2 Février 1912). Полагаем, что именно ту карту, которая была подарена Скугаревским Жоффру, мы обнаружили в 2016 г. в архиве Исторической службы Министерства обороны Франции (SHD. 6 M L III 385).

³⁵ SHD. Le Colonel Matton, Attaché militaire à l'Ambassade de la République Française en Russie au Ministre de la Guerre (État-Major de l'Armée, 2e Bureau). Saint-Pétersbourg, 3(16) Mars 1912.

³⁶ *Dry A.* (Colonel Fleury). *Op. cit.* P. 5.

³⁷ SHD. Ministère de la Guerre. État-Major de l'Armée, 2e Bureau. Minute. 3me Direction. Paris, 11 Avril 1912. На отливку орла потребовалось 1500 кг бронзы. Следует отметить, что в отношении выделения средств на изготовление памятников в России само Военное министерство по решению от 25 января выделило только 2 тыс. франков (SHD. Ministère de la Guerre. État-Major de l'Armée, 2e Bureau. Minute. Note pour la Direction du Service de Santé. 27 Janvier 1912). В июле 1912 г. на представительские расходы для участия французских делегаций в мероприятиях в России палата депутатов одобрила экстраординарный кредит в 5 тыс. франков. Однако эта сумма оказалась явно недостаточной, и 10 августа 1912 г. Военное министерство исчислило только представительские расходы на сумму в 9 тыс. франков, а всего расходы (как можно понять, включая средства от Военного министерства на сооружение памятников) должны были равняться 72 тыс. франков. 24 сентября 1912 г. генерал де Лангл де Кари представил финансовый отчет о представительских расходах, как полагаем, только военной миссии, по

поездке в Россию. Они равнялись 11 тыс. 253 франкам и 60 сантимам (Frais de la mission (19 journées d'absence du 30 Août au 17 Septembre 1912). S.l., 24 Septembre 1912.

³⁸ В архиве Исторической службы Министерства обороны Франции сохранился оригинал приговора сельского схода селения Шевардино от 17 мая (ст. ст.) 1912 г. об уступке «участка общественной надельной земли: “горку” около Шевардинского редута мерою 50 кв. сажень для постановки памятника Французским воинам» за 120 рублей (Приговор селения Шевардина Шевардинского общества Бородинской волости Можайского уезда. Б.м., 17 мая (ст. ст.) 1912). Вместе с этим приговором капитан Марешаль представил две (реально три, но третья была неудачно отпечатана) фотографии с временным памятником на Бородинском поле. Рядом с временным памятником сфотографировано несколько человек, как можно понять, только что завершивших работу по его возведению.

³⁹ Matton – ? Saint-Petersbourg, 9(22) Juillet 1912; Monument de Chevardino á elever aux morts de la Grande Armée de 1812 (документ представляет собой своего рода справку, подписанную, по-видимому, вице-консулом в Москве Валикуром); Note de M. Perpignani, ingénieur de la Maison Vernet et Co de Moscou. Copie. S.l., s.a. ; Заместитель директора Московско-Брестской железной дороги – ? (M. le Capitaine). Б.м., 31 июля (ст. ст.) 1912 г.

⁴⁰ Idem. Le Colonel Matton, Attaché militaire à l'Ambassade de la République Française en Russie au Ministre de la Guerre (État-Major de l'Armée, 2e Bureau). Paris, 8 Juillet 1912. Письмо помечено не Санкт-Петербургом, а Парижем. Возможно, что это не ошибка. Маттон, осуществляя координацию действий между российскими властями, Военным министерством Франции и комитетами (французским и российским) по возведению монументов, мог ненадолго посетить и Париж.

⁴¹ Idem. Le President du Conseil, Ministre des Affaires étrangères à Monsieur le Ministre de la Guerre. Paris, 10 Juin 1912.

⁴² Idem. Le Ministre de la Guerre – le President du Conseil. Paris, 22 Juin 1912.

⁴³ Idem. Le Ministre de la Guerre – le Ministère des Affaires étrangères. Minute. Paris, 10 Juillet 1912.

⁴⁴ Idem. Ministère de la Guerre. Minute. Note pour M. Le Ministre de la Guerre. Paris, s.a; Ministère de la Guerre. Le Cabinet du Ministre (2me Bureau) à État-Major de l'Armée, 2me Bureau) et Section Historiques. Bordereau d'envoi. Paris, 17 Juillet 1912.

⁴⁵ Ни Е.А. Назарян (*Назарян Е.С. Указ. соч. С. 405–406*), ни Е.А. Бочков (*Бочков Е.А. Указ. соч. С. 237*), сообщая об этом факте, не приводят даты приглашения. В анализируемых нами французских документах это приглашение отсутствует.

⁴⁶ *Бочков Е.А. Указ. соч. С. 237.*

⁴⁷ *Ibid. Le Colonel Matton, Attaché militaire à l’Ambassade de la République Française en Russie au Ministre de la Guerre (État-Major de l’Armée, 2e Bureau). Saint Pétersbourg, 2(15) Août 1912; Résumé du Programme des fêtes du centenaire de 1812 actuellement soumis à S.M. l’Empereur. Saint Pétersbourg, 21 Juillet (3 Août) 1912.*

⁴⁸ Как известно, генерал Лебон должен будет представлять Францию на похоронах японского императора Мэйдзи (Муцухито), умершего 30 июля 1912 г. Поэтому объединенную делегацию двух французских военно-исторических обществ возглавит дивизионный генерал в резерве Л.-Ж.-Ж. де Торси (*de Torcy*), который в чине полковника во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. находился при русской армии и получил медаль за взятие Плевны.

⁴⁹ *SHD. Le Consul général de France à Moscou à M. Poincaré, président du conseil, ministre des affaires étrangères. Moscou, 25 Août 1912.*

⁵⁰ *SHD. Le Général de Division de Langle de Cary...P. 2.*

⁵¹ *Ibid. P. 2-3.*

⁵² В.Ф. Джунковский описывает Инвалидный домик так: «Новый, небольшой одноэтажный домик в стиле “Empire”, с красивым садиком, был убран флагами. Над главным входом помещен двуглавый орел Александровской эпохи, а по сторонам инициалы Александра I и Николая II, немного ниже – даты “1812 – 1912”. В саду домика находились представители двух французских делегаций, прибывших из Франции» (*Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 24*). Далее Джунковский перечисляет некоторых членов обеих делегаций.

⁵³ *Dry A. (Colonel Fleury). Op. cit. P. 10.*

⁵⁴ *Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 26.*

⁵⁵ *SHD. Le Général de Division de Langle de Cary. P. 5.*

⁵⁶ *Dry A. (Colonel Fleury). Op. cit. P. 11.*

⁵⁷ *Dry A. (Colonel Fleury). Op. cit. P. 11.*

⁵⁸ *Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 26.*

⁵⁹ *SHD. Le Général de Division de Langle de Cary. P. 5.*

⁶⁰ *Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 28.*

⁶¹ *SHD. Le Général de Division de Langle de Cary. P. 5.* Е.А. Бочков дает более подробную роспись врученных французским представите-

лям, включая дам, наград и подарков (Бочков Е.А. «В интересах поддержания...» № 3 (15). С. 174–175).

⁶² Dry A. (Colonel Fleury). Op. cit. P. 12–13.

⁶³ SHD. Le Général de Division de Langle de Cary. P. 6.

⁶⁴ Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 30–31. Обращает на себя внимание, что в отчете де Лангль де Кари чувствуется известная доля высокомерия по отношению к объединенной делегации «Французской памяти» и «Сабреташ». Многие сюжеты и детали, которые к ней относились, определенно замалчиваются.

⁶⁵ SHD. Le Général de Division de Langle de Cary. P. 7.

⁶⁶ Ibid. P. 7.

⁶⁷ Фундамент под памятник был сооружен солдатами 3-й саперной роты. Это потребовало немалых усилий, прежде всего потому, что в этом месте они наткнулись на огромную каменную глыбу (Бочков Е.А. «В интересах поддержания...» № 2(14). С. 240–241). Е.А. Бочков, ссылаясь на российские проекты празднования, полагает, что в объезде Бородинского поля вместе с императором были генералы де Лангль де Кари и де Торси (Там же. № 3(15). С. 175). Французские материалы, как и воспоминания Джунковского, это не подтверждают.

⁶⁸ Dry A. (Colonel Fleury). Op. cit. P. 13.

⁶⁹ Ibid. P. 13–14.

⁷⁰ SHD. Le Général de Division de Langle de Cary. P. 7.

⁷¹ Dry A. (Colonel Fleury). Op. cit. P. 14.

⁷² Ibid. P. 21.

⁷³ Ibid. P. 30.

⁷⁴ Ibid. P. 33. В своем отчете генерал де Лангль де Кари дал понять, что представители официальной военной миссии, которую он возглавлял, благородно уступили своим согражданам из «Французской памяти» и «Сабреташ» главные роли во время открытия памятника павшим Великой армии (SHD. Le Général de Division de Langle de Cary. P. 8).

⁷⁵ Dry A. (Colonel Fleury). Op. cit. P. 14.

⁷⁶ SHD. M. de Valicourt, consul de France à Moscou à M. Poincare, président du conseil, ministre des affaires étrangères. Moscou, le 9 Septembre 1812.

⁷⁷ Ibidem.

⁷⁸ Dry A. (Colonel Fleury). Op. cit. P. 15.

⁷⁹ Miserere (лат. Помилуй), переложение пятидесятого псалма Псалтири. Как тут не вспомнить другую сцену, когда Александр III, также с непокрытой головой, слушал в июле 1891 г. в Кронштадте «Марсельезу».

⁸⁰ *Dry A. (Colonel Fleury). Op. cit. P. 15.*

⁸¹ Текст протокола см.: *Ibid. P. 15–16.* Флэри отмечает, что этот протокол в виде «роскошного альбома» будет помещен в Музей Армии парижского Дома Инвалидов.

⁸² Напомню, что князь Александр Георгиевич Романовский, 7-й герцог Лейхтенбергский, являлся потомком (правнуком) Евгения Богарне, 1-го герцога Лейхтенбергского.

⁸³ *Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 37.*

⁸⁴ *SHD. M. de Valicourt, consul de France à Moscou à M. Poincare, président du conseil, ministre des affaires étrangères. Moscou, le 9 Septembre 1812.*

⁸⁵ *Dry A. (Colonel Fleury). Op. cit. P. 19–20.*

⁸⁶ *SHD. Le Général de Division de Langle de Cary. P. 14.*

⁸⁷ *Букреева Е.М. Указ. соч. С. 79–80; Хомченко С.Н. Указ. соч. С. 66–67; Бочков Е.А. «В интересах поддержания...» № 2(14). С. 241–242.* При этом Е.А. Бочков, чья статья появилась уже после публикации С.Н. Хомченко, в которой весьма убедительно было показано, что автора памятника П.Л. Бёсвивильвальда не было на борту «Курска», продолжал уверять читателей в обратном. Это тем более странно, что Поль Луи Бёсвивильвальд (1844–1931) был весьма известным человеком, многие годы занимавшим должность генерального инспектора комиссии по историческим памятникам, принявшим этот пост от своего не менее знаменитого отца Э.А. Бёсвивильвальда, и его имя можно было найти во многих справочниках и энциклопедиях.

⁸⁸ *Хомченко С.Н. Указ. соч. С. 67.* С.Н. Хомченко предположил, что скульптором, создавшим орла, был А.-Л. Жоффруа (1844–1915).

⁸⁹ *Général Laguiche (?) – ? (Mon cher Vignal). Saint Pétersbourg, 2(15). Fevrier 1913.* В письме, написанном на бланке французского посольства в Санкт-Петербурге, нет последних страниц. Авторство генерала Лагиша, который заменил Маттона на посту военного атташе в России, определено условно по почерку. Суммы, требуемые на сооружение памятников из расчета имевшихся 20 тыс., были распределены так: на памятник в Вильно – 6 тыс. франков, в Смоленске – 5 тыс. франков, на Березине – 4 тыс. франков (? - *Général Laguiche. Saint Pétersbourg, 8(21). Fevrier 1913).*

⁹⁰ [*Le Capitaine Marchal*] *Note relation... du monument français de Chevardino. S.I., 5(18) Septembre 1912.*

⁹¹ *M. Arqué, gérant le consulat général de France à Moscou à M. Georges Louis, Ambassadeur de la République Français à Saint Pétersbourg, 11(24) Fevrier 1913. Copie.*

⁹² C. Giraud – Capitaine Langlois (Paris). Moscou, 6(19) Fevrier 1913.

⁹³ M. Arqué, gérant le consulat général de France à Moscou à M. Georges Louis, Ambassadeur de la République Français à Saint Pétersbourg, 11(24) Fevrier 1913. Copie.

⁹⁴ Ibidem.

⁹⁵ Ibidem.

⁹⁶ Шарль Жоннер занимал пост министра иностранных дел всего два месяца – с 22 января по 22 марта 1913 г.

⁹⁷ M. Georges Louis, Ambassadeur de la République Français à Saint Pétersbourg à M. Jonnart, Ministre des affaires étrangères. Saint Pétersbourg , 10 Mars 1913.

⁹⁸ Le Ministre des affaires étrangères à M. Le Ministre de la Guerre. État-Major de l'Armée, 2e Bureau. Paris, 21 Mars 1913.

⁹⁹ Le général Joffre - Attaché militaire à Saint-Pétersbourg (général Laguiche). Minute. Paris, 29 Mars 1913.

¹⁰⁰ Le Ministre des affaires étrangères à M. Le Ministre de la Guerre. Paris, 10 Avril 1913.

¹⁰¹ Ministère de la Guerre à M. X. Niessen, Secrétaire général du Comité du Monuments de 1812. Paris, 7 Mai 1913.

¹⁰² Extrait du Procès-Verbal de la Séance du 10 Mai 1913.

¹⁰³ X. Niessen, Secrétaire général du Comité du Monuments de 1812 à M. Le Ministre de la Guerre. Paris, 14 Mai 1913.

¹⁰⁴ Ministère de la Guerre. État-Major de l'Armée, 2e Bureau. Minute. Rapport au Ministre. Paris, 26 Mai 1913. С 21 января по 9 декабря 1913 г. военным министром был Э. Этьен.

¹⁰⁵ Ministère de la Guerre. État-Major de l'Armée, 2e Bureau. Raport fait au Ministere. Analyse au sujet de l'achat du terrain nécessaire à l'érection du monument français sur le champ de bataille de Borodino. Paris, 26 Mai 1913.

¹⁰⁶ Ministère de la Guerre. État-Major de l'Armée, 2e Bureau à Ministère des affaires étrangères. Direction des affaires politiques et commerciales. Paris, 26 Mai 1913.

¹⁰⁷ Ministère de la Guerre. État-Major de l'Armée, 2e Bureau à M. X. Niessen, Secrétaire général du Comité du Monuments de 1812. Paris, 29 Mai 1913. Документ подписан Жоффром. По мнению Е.А. Бочкова, Жоффр во время визита в Россию летом 1913 г. обратился к российскому правительству с просьбой придать церемонии «исключительно частный характер» (Бочков Е.А. «В интересах поддержания...» № 3(15). С. 176).

¹⁰⁸ Le Ministre des affaires étrangères à X. Niessen, Secrétaire général du Comité du Monuments de 1812. Paris, 3 Juin 1913.

¹⁰⁹ Эта церемония достаточно убедительно описана Е.А. Бочковым (*Бочков Е.А. «В интересах поддержания...»*. № 3(15). С. 177–178). По его мнению, на открытии памятника с французской стороны присутствовал и.о. генерального консула в России Луи Арке, который и открыл церемонию, а также представители французской колонии в Москве и члены общества «Французская память». Однако в русской прессе упоминался также французский генеральный консул в Москве Энгелярд. Е.М. Букреева полагает, что был и барон де Бай (*Санкт-петербургские ведомости*. 1913. 27 августа; *Русский инвалид*. 1913. 29 августа; *Московские ведомости*. 1913. 27 августа; *Раннее утро*. 1913. 27 августа; *Букреева Е.М. Указ. соч.* С. 80).

¹¹⁰ Général Laguiche à X. Niessen, Secrétaire général du Comité du Monuments de 1812. Saint Pétersbourg, 29 Mai 1913.

¹¹¹ См.: *Лукашевич А.М. Увековечение событий 1812 г. на Минщине: планы, подготовка и реализация (1930-е – 2010 г.) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография*. М., 2012. С. 240–274.